

ЗА ЖИЗНЬ!

ЦѢНА
5 коп.

ДК 262
.R9
Рос. М. н. о. м.

Они протягивают руки...

ЗА ЖИЗНЬ!

Холодный осенний день. Порывистый вѣтеръ дуетъ съ моря. Властно разрушаетъ онъ жалкія кровли бѣдняковъ, пробирается въ ветхія и сырыя жилища рабочихъ: здѣсь—онъ царь, онъ гордится своимъ величіемъ: онъ милуетъ—онъ уничтожаетъ.

Хмурая сумерки... Холодная комната и голыя сырыя стѣны. Слабый огонекъ часто вздрагиваетъ отъ врывающагося вѣтра. Уныло играютъ въ углу ребятишки. Они часто смотрятъ въ ту сторону, гдѣ мать готовить ужинъ... Она ждетъ его съ работы, поздно вечеромъ, когда звуки городской жизни становятся тише и тише и наконецъ замираютъ гдѣ-то далеко въ голубой дали.

Въ комнатѣ уныло. Чья-то грозная рука наложила и здѣсь свои уныло-бряцающія цѣпи. Здѣсь кто-то царитъ посторонній: каждую минуту онъ властно даетъ чувствовать, что онъ здѣсь все, что онъ господинъ. Еслибъ не онъ, то не было-бы и этого грустно-мерцающаго огонька, не было бы и этой холодной комнаты и сырыхъ стѣнъ, она не готовила бы ужина, и ребятишки завистливо не поглядывали-бы въ ея сторону.

Дверь тихо скрипнула. Вошелъ онъ—мускулистый, сильный и гордый „онъ“. Онъ пришелъ раньше, чѣмъ она ждала его съ работы.

„Опять?“ вопросительно взглянула она на него.

— „Опять!“ гордо отвѣчалъ онъ, „за жизнь, за новую жизнь, опять!“

Гордый, онъ долго говорилъ, что не можетъ и не хочетъ быть голоднымъ рабомъ, онъ говорилъ о новой жизни, той великой новой жизни, когда все люди будутъ равны. Она понимала его—она примирялась. Вѣтеръ стихалъ... Она подала ужинъ. Съ жадностью волка набросились на него дѣти—они не думали, что будетъ завтра.

А онъ все больше и больше вдохновлялся. Дѣти чутко прислушивались... имъ нравилась

эта новая жизнь. Они будутъ учиться и читать захватывающія ихъ сердца сказки. Они не будутъ оборваны и голодны—всегда у нихъ будетъ сытая здоровая ѣда и теплая одежда. Они будутъ жить и играть въ свѣтлыхъ большихъ комнатахъ, куда не проникнетъ царь-вѣтеръ: онъ не сможетъ миловать, онъ не сможетъ уничтожать!

* *

Море головъ... Онъ, мускулистый, могучій и гордый говорилъ о новой жизни передъ собраніемъ рабочихъ. Они жадно ловили каждое его слово. Онъ говорилъ, что пройдутъ года и настанетъ время, когда не будетъ голодныхъ, сырыхъ и убогихъ, не будетъ ни бѣдныхъ ни богатыхъ, ни знатныхъ ни презрѣнныхъ. Онъ говорилъ, что жены и дѣти ихъ голодаютъ, потому что у однихъ слишкомъ много хлѣба: ихъ амбары рушатся подъ тяжестью зерна. Имъ холодно, потому что другимъ очень тепло; они много тяжело работаютъ, потому что другіе ничего не дѣлаютъ; они бѣдны, потому что другіе очень богаты.

Они понимали его. Онъ говорилъ многое, а они все слушали. Онъ говорилъ, что они—грозная сила. Они вѣрили и чувствовали ее въ своихъ мускулистыхъ рукахъ. Они сознавали, что могутъ „остановить все—и снова создать все“.

* *

Грозная, зловѣщая тишина. Окна магазиновъ наглухо заколочены. Уныло стоятъ фабрики и заводы. Не слышно ихъ заунывныхъ гудковъ, призывающихъ къ работѣ. Изъ трубъ не катится густой клубъ черного дыма. Изрѣдка пробѣжитъ мелкой рысцой извозничья лошадь, уныло понуря голову.

„Они сила. Они могутъ остановить все—и снова создать все“, какъ будто говорила грозная, зловѣщая тишина.

Теодоръ Львовъ.

СТИХІЯ.

Клокочетъ бездна и шумитъ,
Валы вздымаются горою...
Утесъ среди нея стоитъ
Съ поднятой нагло головою...
Все съ большей силою волна
Долбитъ утесъ, ища свободы,
И вотъ разбила ужъ она
Къ свободѣ первыя преграды.
Уже и трещину дала
Сѣдая, старая скала;
Еще немного и конецъ:
Утесъ утратитъ свой вѣнецъ!

* *

Дружнѣе, волны, напирайте,
Дробите скалы... разрушайте!..
Все, что мѣшаетъ для простора—
Достойно вѣчнаго позора,
Достойно смерти роковой!..

Владимиръ Фегединъ.

МНѢ СНИЛОСЬ...

Мнѣ снилось, что свергнуто тяжкое бремя,
Что счастье народа кровавой цѣной
Добыло всеильное, мощное время,
Что міръ передъ нами открылся иной.
Нѣтъ сырыхъ, голодныхъ, скудныхъ
и богатыхъ,
Нѣтъ больше безправныхъ, гонимыхъ людей,
Нѣтъ больше „армяшекъ“, „евреевъ
въ заплатахъ“,
Нѣтъ герцоговъ, графовъ, бароновъ, князей!
Все люди равны. Нѣтъ дѣлений по классамъ,
Все счастливы, нѣтъ преступлений, враговъ;
Не нужно ужъ больше страдающимъ массамъ
Срывать съ себя тяжкихъ, всеильныхъ оковъ!
Мнѣ снилось... Какая иронія злая!
Проснулась и снова отчаянный гнетъ
Сдавили мнѣ грудь... О, когда же придетъ
Свобода отчизны, свобода святая!

Анна Шевнина.

Похороны.

Кладбище... Кругомъ—живое море головъ. Рядъ свѣжихъ, только что вырытыхъ могилъ; страшны онѣ, какъ орбиты черепа; въ небо глядятъ ихъ зіяющія пасти, въ сѣрое, зимнее небо... Хоронятъ убитыхъ. Тихо, безшумно волнуется живое море; суровы и блѣдны истомленные лица. Глаза горятъ... Мозолистые, худыя руки тихо опускаютъ въ могилы гроба, — черные сосновые гроба... Тихо кругомъ. Ясно, отчетливо слышно, какъ выбиваютъ дробь комья мерзлой земли, ударяясь о гробовыя крышки. Ужасные, тяжелые звуки!.. И—нѣтъ зіяющихъ пастей; не смотрятъ онѣ въ сѣрое небо, а вмѣсто нихъ—тянутся къ нему холмики мерзлой земли... Тихо кругомъ. Уныло стоятъ деревья—гиганты подъ своей пушистой, бѣлоснѣжной ризой—инеемъ. Хмурятся могильные кресты и плиты.

Чу!.. слышится слово... льется искренняя, вдохновенная рѣчь, то усиленно звуча, то—замирая... Глухой, глубокий вздохъ широкой волной прокатился по живому морю. Гдѣ-то лопнула наболѣвшая грудь, и воздухъ дрогнулъ отъ рыданья. Кажется, что весь ужасъ человѣческой жизни, ея смертельной тоски одиночества, разлился кругомъ и наполнилъ холодный зимній воздухъ... Гдѣ-то надъ головами каркнула ворона. Словно сочувствуя горю близкаго, тоскующаго сердца, глухо зарыдало кладбищенское эхо...

Накладбищѣ тихо и пусто... Низко опустивъ на грудь голову, стоитъ она. Сквозь туманъ жгучей слезы скользитъ ея тоскливый взоръ по дорожному холмику, по красному вѣнку, по вѣчнозеленымъ лапкамъ ели, и кажется ей, что онъ не умеръ, что онъ живъ.

И эмблема вѣчной жизни—зелень, улыбаясь, вторитъ ея мыслямъ...

С. Прохоровъ.

Пѣня объ Орленкѣ.

Надъ равниной и горами бѣлоснѣжными, высоко, все парить, гордясь собою, молодой орелъ красивый. Не боится онъ ни грома, ни суровой непогоды, онъ, какъ царь, Орелъ могучій, онъ любитъ зарями и катящейся волною, что къ утесу прибываетъ все быстрѣе и сильнѣе. Онъ любитъ землю, что покрылася цвѣтами и высокими дубами съ зеленѣющей листвою.

„Не летай Орелъ высоко“, злые люди такъ сказали: „Тебѣ холодно подъ небомъ, опустишь ты къ намъ пониже, посмотри, какъ здѣсь красиво — на землѣ у насъ весною!“

И Орелъ повѣрилъ людямъ, но недолго наслаждался красотою онъ земною: злые люди обманули и поймали его сѣтью. И подрѣзали Орленку его крылья молодыя. Опечалился Орленокъ, онъ скорбѣлъ теперь въ неволѣ о свободѣ своей гордой, о холодномъ поднебесѣ, о заряхъ и грозныхъ тучахъ, о суровыхъ снѣжныхъ горахъ.

Годы шли... Орелъ красивый все сильнѣе становился — становился онъ грознѣе. Его крылья отрастали, заживали его раны. Со всей силой молодою онъ рванулъ еще сильнѣе, разорвались его сѣти. Онъ взмахнулъ грознѣй крылами—полетѣлъ онъ въ поднебесье.

Еще выше надъ горами бѣлоснѣжными, высоко, все парить, гордясь собою, молодой Орелъ красивый. Гордо машетъ онъ крылами и, спокойно, какъ бывало, онъ встрѣчаетъ бури, грозы—не боится онъ ни грома ни суровой непогоды!!

Феодоръ Львовъ.

ГОЛОДЪ.

Неурожай завладѣлъ всей черноземной полосой съ ея окраинами. Это огромное пространство земли по величинѣ больше всей Франціи. Десятки милліоновъ населенія лишены куска хлѣба. Эти несчастные обречены на адекія муки голода. Голоды! Умъ цѣпенѣетъ. Кровь стынетъ въ жилахъ. Сжимается мучительно грудь. Какъ онъ могучъ и грозенъ! Изъ года—въ годъ онъ все сильнѣе и сильнѣе. Изъ года въ годъ его раіоны все шире и шире.—Сколько лучшихъ живыхъ силъ, сколько человѣческихъ жизней истребилъ этотъ неумолимый народный врагъ! Сколько опустошилъ онъ селеній! И вотъ опять нависла эта страшная гроза. Смерть готовится къ обильной жатвѣ. Уже и теперь тамъ не люди, а тѣни бродятъ. Старики обгладываютъ кору деревьевъ. Тамъ дѣти корчатся въ предсмертныхъ мукахъ. Тамъ плачь и стонъ! Тамъ смерть празднуетъ побѣду; тамъ свила она себѣ гнѣздо. Надо вырвать изъ когтей ея тѣхъ, кого еще не коснулось холодное дыханіе смерти. Предстоитъ съ ней сильная и упорная борьба. Борьба на жизнь и смерть! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Каждый мигъ, каждый часъ можно спасти десятки и даже сотни невинныхъ душъ и, наоборотъ, каждый мигъ, каждый часъ промедленія смерть успѣетъ занести свою косу надъ головами все большей и большей массы.

Вспомните, что передъ этой картиной ужасной дѣйствительности священный долгъ cadaго придти съ непосредственной помощью голодающимъ. Знайте, что вашей посильной лептой вы имѣете возможность отстаивать самое святое право cadaго—право на жизнь. Откликнитесь, граждане, и облегчите тяжелое горе мучениковъ страдальцевъ нашей Матушки Руси.

Григорій Любарскій.

С.-Петербургъ.

He is merciless
Въ міръ есть царь. Онъ беспощаденъ. ГОЛОДЪ — названье ему.

In the world there is a czar. Hunger is his name

Издатель С. М. Прохоровъ.